

Елена Стоянова

Шуменский университет им. Еп. Константина Преславского (Болгария)

Культурная коннотация как инструмент лингвокультурного исследования и показатель лингвокультурной компетенции инокультурной личности

Пристальное внимание ученых к проблеме взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры приводит к формированию междисциплинарного научного направления, находящегося на стыке лингвистики и культурологии, которое получило название *лингвокультурология*.

Одной из основных категорий лингвокультурологии и связующим звеном между двумя семиотическими системами – языком и культурой, становится культурная коннотация. Этот термин был предложен в начале 90-х годов В. Н. Телия. Пришедшая из логики категория коннотации включает в себя дополнительные, сопутствующие стилистические, семантические доли основного значения языковой единицы. Но именно наличие в ней культурной информации и соотносительности с прескрипцией культурного кода делает ее особо важной для определения национальной специфики языка. Еще В. Гумбольдт отмечает, что слова разных языков, даже обозначая в целом одинаковые понятия, все-таки никогда не бывают в подлинном смысле синонимами (Гумбольдт 1984: 181). Так, например, нельзя считать синонимичными русск. *удаль* и болг. *смелост, храброст* и англ. *courage, bravery* и др., потому что *удаль* – это не просто смелость, а безудержная и лихая смелость, обусловленная широтой русского пространства и включающая в себя компонент самолюбования. Или *змея*. На Востоке – это эталон мудрости или женского изящества, а у русских – это символ злобы, подлости, коварства, искушения (*змея подкодная, змей искуситель, змеиное отродье*), у болгар – символика злобы и коварства (*змейско гнездо* (букв. змеиное гнездо), *свивам змейско гнездо* (букв. свить змеиное гнездо), *змейско отроче* (букв. змеиное отродье) дополняется семей злословия (*змейски език* (букв. змеиный язык), *имам змия усойница в устата* (букв. у меня змея во рту) и эмоционального накала – гнева (*набрал ми е като змия на опашката* (букв. собратся как змея в хвосте), *змии варя* (букв. варить змей).

Культурный компонент несут в своей семантике даже слова, обозначающие цвет. Так, английское прилагательное *blue* или болгарское *син* включают в себя более широкий спектр цвета, чем русский *синий*, потому что в русском языке существуют два знака цветообозначения: *синий* и *голубой*, и кроме этого, каждый из них может уточняться и конкретизироваться *светло-синий, темно-синий, светло-голубой, темно-голубой*. Исследователями установлено, что в различных языках названия основных цветов

спектра колеблются от двух до одиннадцати (см. Корнилов 2003, Вежбицкая 1985, Харитончик 1992 и др.).

Предложенные выше примеры являются яркой демонстрацией значимости культурной коннотации в качестве связующего звена между культурой и языком, способа сохранения и трансляции культуры языковым знаком. Проникновение в образ, постижение образного основания языкового знака, где фокусируется национально-культурная специфика ментального богатства народа, является инструментом исследования единиц образно-ассоциативного плана той или иной лингвокультуры. Ее содержание – это своеобразное «отношение, существующее между образно мотивированной формой языковых единиц и воплощенной в нее культурно значимой ассоциацией, значение которой постигается осознанно или бессознательно в процессах интерпретации образного основания в «оснастке» культуры – в ее категориях, выраженных в концептах, эталонах, стереотипах и т.д.» (Телия 1996: 233). Сами метафоры и фразеологизмы, по мнению исследователей, можно рассматривать в качестве экспонентов культурных знаков и источников когнитивного освоения.

В то же время культурная коннотация выступает фактором формирования вторичного языкового сознания инокультурной личности. Она представляет собой единицу операционального характера, знание которой квалифицируется в качестве лингвокультурной компетенции, то есть «интерпретация языковых знаков в категориях культурного кода» – ее формирование осуществляется посредством развития семиотических систем (см. подр. Язык и культура 1999: 35–36; Телия 1996: 227). В этом аспекте, именно от степени владения культурным кодом, сквозь призму которого интерпретируется языковой код, зависит сформированность лингвокультурной компетенции инокультурной личности, а следовательно, и состоятельность их коммуникативных умений и адекватность ведения коммуникации. Именно поэтому лингвокультурная компетенция при обучении инокультурной личности рассматривается в качестве решающего, завершающего этапа становления коммуникативной компетенции, что обуславливает адекватность, состоятельность и полноту коммуникативного акта.

Культурная информация в языковой единице содержится как в денотативном, так и в образном аспектах значения. Исследователями установлены четыре способа ее трансляции: через культурные семы, культурный фон, культурные концепты и коннотации (Опарина 1999; Корнилов 2003 и др.).

Под культурной коннотацией понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры», иными словами, культурная коннотация рассматривается в качестве способа интерпретации в знаковом национально-культурном пространстве образного основания, являющегося средством воплощения культурной информации (Телия 1996: 214–215). Культурная коннотация – это динамическая категория, несущая знание о мире

и являющаяся продуктом исторического движения семантики слов и «следующая в этом поступательном движении не только за развитием сознания человека в процессе познания им действительности, но и еще за теми сведениями, которые ассоциативно сопровождают знание о мире, которые неявно выражаются в тексте, а коннотация, вбирая их в себя в виде внутренней формы, эксплицирует с тем, чтобы подготовить соответствующий прагматический эффект» (Телия 1986: 98). Внутренняя форма выступает своеобразным посредником в связи языкового знака с действительностью, ее фактуальный план фиксирует реальный фрагмент культуры. С другой стороны, внутренняя форма – это «застывший» результат действия сознания народа, так как закрепление определенных ассоциативных признаков в семантике знака или коннотации – это процесс длительный. Культурная коннотация возникает как результат действия ассоциативно-образного основания языкового знака посредством соотнесения его с культурными знаками и категориями. С ее помощью осуществляется связь между языком и культурой – семиотическими системами, воспринимаемыми в качестве форм сознания.

Культурная информация проникает в языковые знаки через ассоциативно-образное основание их многокомпонентной семантики, кодируется в образе, где и происходит ее хранение в свернутом виде. Посредством образа как ментальной категории осуществляется связь мышления с денотативной действительностью. Систему образов В. Н. Телия называет «своего рода “нишей” для кумуляции мировидения» (Телия 1996: 214). Так, в культурную коннотацию включаются характерологические черты народной духовности. Проникая в языковой знак, культура находит свою интерпретацию посредством связи с эталонами, стереотипами, мифологемами, символами, ритуалами и другими знаками общечеловеческой или национальной культуры.

Формами реализации образного потенциала являются метафора и символ. Метафора представляет собой «сдвоенный образ», возникающий в результате категориальной ошибки. Иными словами, метафора использует образ одного объекта и применяет его к другому. Образ в метафоре может стираться, а «смысл выравнивается по законам стандартной семантики» (Арутюнова 1999: 324). Так формируются устойчивые (в том числе и немотивированные) значения, реализация которых осуществляется посредством фразеологических оборотов. Метафора отличается от символа, она не относится к семиотическим понятиям, каковым является символ и «делает ставку на значение», а в символе «стабилизируется форма» (Арутюнова 1990: 23). Символ конституируется семиотической связкой, которая обуславливает его знаковые особенности. По мнению Ю. Н. Караулова, «символ по содержанию самого понятия занимает промежуточное положение между знаком и образом, являясь как бы эмбрионом <...> последнего» (Караулов 1987: 202). Если в метафоре может быть устойчиво значение, то в символе устойчив образ, поэтому символ часто называют «застывшим» образом, отображающим стереотипизированный смысл.

А. А. Потебня различает во всяком семантически целостном языковом образовании три элемента: внешнюю форму, внутреннюю форму и содержание, А.Ф. Лосев говорит уже о «тетрактиде», выделив «символический слой», заключающий в себе обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания (Лосев 1976: 133; 1927: 36-37). Поэтому символ может рассматриваться как специфический фактор социокультурного кодирования информации и одновременно – как механизм передачи этой информации.

Функцию символа приобретают, в частности, соматизмы (названия частей тела человека). В силу своей древности они являются отображением окультуренного сознания народа. Их символическая функция реализуется через миф (мифологемы). Закрепление за соматизмами такого культурного смысла осуществляется в течение длительного периода исторического развития лингвокультуры и происходит под влиянием архетипических представлений человека, находящегося во власти мифологического мышления. В периоды первобытной и мифологической культуры тело служит человеку чуть ли не единственным способом познания окружающей его действительности. Благодаря универсальной символичности, метафоричности мышления, оказывается сильной связь языка и мышления. Божественная символика прослеживается, например, в соматизмах *голова*, *глаз* и др., которые являются компонентами фразеологических единиц: *всему голова*, *хозяйский глаз* – в значении 'самое важное'; (остаться) *без глаза* 'без присмотра' и др. Символика тесным образом связана с коннотативной зоной языка, с теми устойчивыми и стереотипными в национальной традиции ассоциациями и образами, фиксируемыми соматическими фразеологизмами (см.подр. Стоянова 2002, 2003, 2004, 2005).

В отличие от статичности символа, метафора рассматривается в перспективе ее развития, поэтому Н. Д. Арутюнова называет ее «техникой смыслообразования» (Арутюнова 1999: 324). Например, ср. *ножка ребенка* и *ножка стола*. По определению В. Н. Телия, с одной стороны, «вторичный», «непредметный мир» «возникает не иначе, как в результате интерпретации познающим индивидом фактов в их отвлечении от предметной реальности», а с другой – «это отвлечение вновь конкретизируется через соизмерение с образным восприятием каких-либо черт этого мира, со стереотипами, функционирующими в данной культуре, и даже с мифическими представлениями» (Телия 1988-б: 180). Формирование метафоры связано с концептуальной системой носителей того или иного языка, а «действенность» ее основывается на продуктивности использования ее двуплановости.

Способность языковой метафоры выражать мировидение и, соответственно, ее культурная маркированность основываются на связи ее образного основания со знаками и категориями культуры – символами, стереотипами, эталонами, мифологемами и прототипическими ситуациями. Метафора характеризуется культурной коннотацией в случае ее вхождения в состав устойчивых выражений или при функционировании в ка-

честве самостоятельной единицы. Она соотносит предметы и явления реальной действительности посредством ассоциативно-образного основания, интерпретируемого в рамках культурного кода.

Соматическая метафора, в частности, является своеобразным таксоном культуры. Изображение человека посредством аллюзии или обращения к частям или органам тела характеризуется спецификой кодируемых в образе представлений той или иной национально-культурной общности. Например, если у болгар *глаза* представляются средоточием эмоционального состояния – желания, радости, восторга, удовольствия: *окото ми се изпълва/се изпълни* (букв. глаз переполняется/переполнился) 'меня охватила радость (при виде чего-либо, кого-либо)'; *напълват/напълнят ми се очите* (букв. наполняются/наполнятся мои глаза) 'я в полном восторге'; *насища/насити окото ми някой, нещо* (букв. насыщает/насытит мне кто-либо глаз) 'наполнять душу восторгом'; *изплаквам/изплакна, оплакна си очите* 'смотреть с наслаждением, отвести душу' и др., то у русских локализация эмоций приходится, главным образом, на *сердце*, являющееся вместилищем *души* (еще эмоции локализуются в груди): *сердце (душа) наполнилась чем-либо, переполняется сердце* и др. (хотя возможно употребление *глаза горят/разгорелись* в качестве квалификации эмоционального желания). Как центр эмоционального состояния воспринимается *сердце* у албанцев: *тё һа зётра* (букв. меня ест сердце) в значении 'душа не на месте', *s`тё бён зётра* (букв. мне не делается сердце) 'мне не хочется' и др. У итальянцев эмоции локализуются в *печени*, у французов – в *селезенке*, а в китайской наивной картине – в *почках*, в африканской – в *печени и носу* и др. (см. Маслова 2001: 138).

Интересным фактом является проявление в различных лингвокультурах активного начала в образе человека: в болгарском языке встречается ФЕ *съм дяното око на някого* (букв. я правый глаз кого-либо) (Кошелев, Леонидова 1974: 159, 397), в русском – *быть чьей-либо правой рукой*.

Фразеологией транслируются определенные стереотипы поведения человека, сформировавшиеся под влиянием мифологем. Справедливо отмечает Т.З. Черданцева, что в основе ФЕ, компонентами которых являются «неотторжимые части тела» (в нашем случае это *глаза*) «нередко лежат жесты, мимика, телодвижения, связанные с реакциями человека на поведение других людей и на окружающий мир» (Черданцева 1996: 61). О существующей традиции в разговоре обязательно смотреть в глаза собеседнику, демонстрируя тем самым открытость намерений, правдивость говорящего, свидетельствуют, например: *глаз не отвести; с глазу на глаз, между четырех глаз; смотреть (глядеть) (прямо) в глаза; глаз на глаз* (устар.), *между (меж) четырех глаз* (устар.) (ср. болг. *очи в (на, с) очи; очи срещу очи; между (на) четири очи; говоря (казвам/кажа) право в очите; не се показвам/не мога да се покажа пред очите на някого; гледам право в очите някого, нещо; чета по очите на някого*) и др. В албанском языковом сознании они представляются как *ballafaqe* (букв. щека к щеке) в значении 'с глазу на глаз', в английском – *face to face* (букв. лицом к лицу), *to face facts* (букв.

лицом к фактам) 'смотреть правде в глаза'. Просьбой посмотреть в глаза, у болгар выражается недоверие к чьим-либо словам: *я ми виж окото, погледни ме в очите* 'брось завирать'. Если же во время беседы человек прячет глаза, то это заставляет собеседника сомневаться в его искренности, свидетельствует об определенной лжи, попытке ввести в заблуждение. Отсюда и ФЕ: *отводит/отвести глаза* 'отвлекать внимание, обманывать кого-либо'; *для отвода глаз* 'чтобы отвлечь внимание, ввести в заблуждение' (ср. болг. *за очи*).

Культурная насыщенность метафоры проявляется в составе фразеологической единицы. При этом опорный компонент, употребляемый в прямом значении, является референтом, осуществляющим направление переноса на непредметную сущность, а связанный компонент означает через метафорический образ какой-либо параметр его денотата или сигнификата (Язык и культура 1999: 40). Например, *глаза говорят* – получение информации с помощью безмолвного органа. Такой тип фразеологизмов в науке квалифицируется как структурно-семантически регулярный, то есть подлежащий семантизации. Метафора здесь выступает в роли связанного компонента. Структурно-семантический анализ вторичных наименований проводится на основе исследования денотатов (денотат и квазиденотат), принимающих участие в их образовании. Ассоциативно-образное основание выступает в качестве редуцированного типового образа, консервируемого новым наименованием как наследие предшествующего значения (Телия 1996: 130). С помощью культурной коннотации проясняется и культурная значимость тех ФЕ, в которых метафора соотносит более сложные понятия морально-этического, психологического и другого характера. В метафорических конструкциях происходит не просто переосмысление содержания, а его концептуализация, то есть «по существу здесь имеет место формирование нового концептуального содержания на базе уже существующей языковой единицы» (Телия 1981: 120). В таких фразеологизмах осмысливаются определенные признаки концепта, детерминированные культурной насыщенностью и важностью для той или иной национально-культурной общности. В. Н. Телия считает, что образы, вносимые связанным компонентом во ФЕ (в том числе и стершиеся образы – так называемые мертвые метафоры), создают особый тип регулярности, основанный на ассоциативно-парадигматических отношениях (Телия 1996: 152-154; 258-259).

Культурная коннотация становится источником когнитивного освоения языкового знака, а сами фразеологизмы – прототипами, осуществляющими моделирование архетипического и прототипического сознания человека на основе соотносительной связи с стереотипами и эталонами национального менталитета. Фразеологизмы и метафоры, пропитанные мировидением определенной национально-культурной общности, играют важную роль орудия преемственности традиции и эволюции. Ассоциативно-образные, символические основания, сформировавшиеся в процессе историко-культурного развития той или иной национально-культурной

общности и кодированные в семантике языковой единицы, представляют своеобразную культурную память. Показательными в этом отношении являются так называемые устаревшие фразеологические единицы. Они демонстрируют опыт и традиции, дух и мировидение национально-культурной общности, отражают традиционное культурное сознание народа, влияющее на формирование синхронного уровня ментальности. Окультуренное мировидение, отображенное в ФЕ, «запечатлевается в их внутренней форме, <...> межпоколенно транслируется ими, донося до современности те коллективные представления, которые складывались в процессах культурного освоения мира этносом, народом, нацией» (Телия 1996: 16). Так, например, устаревшая ФЕ *что (как) синь порох в глазу (глазе)*, имеющая значение 'о ком-либо очень близком, дорогом', сохраняет в своей структуре компонент *синь*, имеющий в древнеславянском языке значение 'темный, черный' и компонент *порох*, реализующий древнее значение корня *porch- 'пыль, мелкая высохшая земля' (Бирих, Мокиенко, Степанова: 1998: 464). В основе культурной коннотации лежит ценностное освоение мира, в данном случае – божественное начало, запечатленное в семантике глаз, и бережное и внимательное отношение славянских народов к земле как важнейшему фактору их существования. Не случайно в мифологическом сознании *земля* воспринимается в качестве производящей силы природы и родоначальницы, матери всего живого. Эта культурная информация и оказывается закодированной в образном основании фразеологизма.

Очень часто соматизмы как старейший лексический пласт несут информацию о количестве, выступают мерой временных и пространственных отношений. Так, соматизм *глаз/глаза* можно рассматривать в качестве символа метрическо-эталонной сферы. Семантика устойчивых метафор базируется на мифологических воззрениях славян по отношению к глазам, как человеческом органе, наделенном божественной, магической силой. В связи с этим антропометрические устойчивые метафоры создают представления, как о мере вообще: *Окинь место глазом; смеряй глазом; Глаза да мера, то прямая вера; мерить/смерить (мерять/смерять) глазами (взглядом) кого* (ср. болг. *премервам/премеря с очи някого; измервам/измеря с очи (поглед) някого, нещо*) и др., так и свидетельствуют об определенном членении пространства и предопределении пространственных отношений: выражение близости, связанной с личной (видимой) зоной человека: *На мой глаз (взгляд); глаза в глаза; перед глазами; Пройти на глаз; куда ни кинь глазом; пока хватает взгляда; сколько хватает глаз* (ср. болг. *пред очите на някого; където (накъдето) ми видят/гледат очите; докъде (догде, дорде) ти очи видят (око види); докъдето ми хвацат очите; не видя от очите си* и др.) и отражение чужого, далекого, пространства: *за глазами; на затылке глаз нету (глаза на затылке); говорить/сказать за глаза* и др. (ср. болг. *далеч от хорските очи; имам очи и на врата (тила, гърба) си; вземам/взема си очите нанякъде*).

Пространство и время в сознании человека неразделимы, поэтому соматизм *глаз/глаза* присутствует и в определении отношения человека ко времени, в его движении по временной оси. Как пишет Н. Д. Арутюнова,

фактор времени играет важную роль в создании модели человека, а фактор человека – в моделировании времени, при этом реализуются мифические представления человека (Арутюнова 1997: 52). В частности, с помощью указанного соматизма формируются представления о временном потоке: о его быстроте, скоротечности, краткости: *Не успеешь глазом мигнуть (моргнуть); в мгновение ока* 'очень быстро, без промедления, моментально'; *краем глаза* 'краткое время, мельком'; *одним глазом (глазком)* 'мельком, между делом' (ср. болг. *с ъгла на окото си; с половин око*) и др.

Некоторые представления человека о количестве также передаются с помощью указанного соматизма: *за глаза, за глаза хватит* в значении 'много'; *на глаз (глазок, глазомер)* 'приблизительно' (ср. болг. *от око/на око*).

В понятие культурной коннотации включаются и эмотивные характеристики, определяемые национально-культурным фактором. Например, с эталоном красоты соотносятся у русского и большинства европейских народов *голубые глаза*, в то время как у киргизов они считаются уродливыми, выражение используется в качестве бранного. Зато сочетание *коровьи глаза*, основанное на денотативной оценке (значимость указанного животного (коровы) в культурном пространстве национально-культурной общности) воспринимаются как красивые.

Таким образом, культурная коннотация в качестве базового понятия лингвокультурологии связывает две семиотические системы – язык и культуру как формы сознания, выступая средством хранения и трансляции культуры в языке. Она является показателем образно-мотивированных номинативных единиц, в которых культурная информация локализуется в ассоциативно-образном основании и регулируется мотивирующей ролью внутренней формы, поэтому она является инструментом изучения лингвокультурных знаков. Знание культурной коннотации как операционной системы является необходимым в процессе формировании лингвокультурной компетенции и интерпретации языковых знаков в знаках культуры. Способность к прочтению культурной информации, кодированной или представленной в свернутом виде в коннотативном образе, является показателем лингвокультурной компетенции инокультурной личности.

Библиография

- Аврамова В. (2007), *Лингвокультурология*, Шумен.
 Аврамова В. (2009), *Лингвокультурологичният подход в чуждоезиковото обучение, Лингвометодически аспекти на чуждоезиковото обучение с използване на нови информационни технологии*, Шумен, с. 88–95.
 Апресян Ю. Д. (1995), *Коннотации как часть прагматики слова, Избранные труды, том 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*, Москва, 766 с.
 Арутюнова Н. Д. (1990), *Метафора и дискурс, [в:] Теория метафоры. Сборник, пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз., вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюнова; Н. Д. Арутюнова и М. А. Журииска (ред.), Москва, с. 5–32.*

- Арутюнова Н. Д. (1997), *Время: модели и метафоры*, [в:] *Логический анализ языка. Язык и время*, Москва.
- Арутюнова Н. Д. (1999), *Язык и мир человека*, 2-е изд., испр, Москва.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. (1998), *Словарь русской фразеологии*. СПб., 704 с.
- Вежбицка А. (1985), *Речевые акты*, [в:] *Новое в зарубежной лингвистике*, выпуск XVI, *Лингвистическая прагматика*, Москва.
- Гумбольдт В. фон (1984), *Избранные труды по языкознанию*, пер. с нем., Москва.
- Калева С. Я. (1997), *Соматизмы и соматические выражения в обучении иностранному языку*, [в:] *Лингвистические и культуроведческие аспекты русского языка в сопоставлении с родным. Доклады международной конференции МАПРЯЛ, Пловдив*, с. 261-265.
- Караулов Ю. Н. (1987), *Русский язык и языковая личность*. Москва.
- Корнилов О. А. (2003), *Языковые картины мира как производные национальных менталитетов*, 2-е изд., испр. и доп., Москва, 349 с.
- Кошелев А., Леонидова М. (1974), *Българско-руски фразеологичен речник*, София.
- Лосев А. Ф. (1927), *Диалектика художественного творчества*, Москва.
- Лосев А. Ф. (1976), *Проблема символа и реалистическое искусство*, Москва.
- Маслова М. А. (2001), *Лингвокультурология*, Москва, 208 с.
- Опарина Е. О. (1999), *Лексические колокации и их внутрифреймовые модусы*, [в:] *Фразеология в контексте культуры*, Москва, с. 139-144.
- Прохоров Ю. Е. (2009), *В поисках концепта*, Москва.
- Стоянова Е. В. (2002), *Соматический код культуры в языковой картине мира (фразеологический аспект)*, [в:] *Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков*, Шумен, с. 179-195.
- Стоянова Е. В. (2003), *Фразеологические единицы с компонентом 'глаз': лингвокультурный аспект (на материале русского и болгарского языков)*, [в:] *Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: научно-методическая конференция молодых ученых*, Москва, с. 150-157.
- Стоянова Е. В. (2004), *Лингвокультурный аспект контрастивной фразеологии (на материале ФЕ с компонентом 'глаз' в русском и болгарском языках)*, [в:] *Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков*, выпуск 1, Шумен, с. 165-187.
- Стоянова Е. В. (2005), *Русские и болгарские соматические фразеологизмы с компонентом 'голова' в контексте культуры*, [в:] *Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: Сб. ст. по материалам международной научной конференции*, Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, с. 129-139.
- Телия В. Н. (1981), *Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке*, Москва.
- Телия В. Н. (1986), *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, отв. ред. А. А. Уфимцева, АН СССР, Ин-т языкознания, Москва, 143 с.
- Телия В. Н. (1988-а), *Метафора как модель словопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция*, [в:] *Метафора в языке и в тексте*, Москва, с. 26-51.
- Телия В. Н. (1988-б), *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира*, [в:] *Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, Москва, с. 173-203.
- Телия В. Н. (1996), *Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты*, Москва.
- Телия В. Н. (1999), *Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры*, [в:] *Фразеология в контексте культуры*, В. Н. Телия (ред.), Москва, с. 14-24.
- Харитончик З. А. (1992), *Способы концептуальной организации знаний в лексике языка*, [в:] *Язык и структуры представления знаний*, Москва, с. 98-123.

Черданцева Т. З. (1996), *Идиоматика и культура (постановка проблемы)*, «Вопросы языкознания», № 1, с. 58–70.

Язык и культура (1999), Сб. обзоров, РАН. ИНИОН, отв. ред. Е. О. Опарина, Москва.

Summary

Elena Stoyanova

The cultural connotation as a tool of linguistic and cultural study and an indicator of linguistic and cultural competence of foreign students

The cultural connotation is the basic lingua-cultural concept. It links two semiotic systems – language and culture as the forms of consciousness. It is the means of storage and of the transmission of culture into the language. The cultural connotation serves as an indicator of the figuratively motivated nominative units in which cultural information is localized in the associative-shaped base and is regulated by the motivating role of inner form. The cultural connotation is not only a bridge between language and cultural signs/categories, but also a tool to study them (in particular, metaphors and phraseological units). The knowledge of cultural connotations as the operating system is the necessary in the process of interpreting linguistic signs as elements of the signs of culture, and in the process of formation of the linguistic and cultural competence. The skill of understanding the cultural information, coded in a connotative way, determines the proficiency in a foreign language.